

Романенко Н.А.

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ О В. М. ГАРШИНЕ

В 2000 г. вышло в свет первое международное издание, посвященное жизни и творчеству известного русского писателя Всеволода Михайловича Гаршина. Речь идет о собрании “В. М. Гаршин на рубеже веков. Международный сборник в трех томах” (Vsevolod Garshin at the turn of the century. An international symposium in three volumes) [1]¹. Это совместная публикация издательства “Nortgate Press” (Великобритания) и Донецкого государственного университета (Украина) при участии кафедры славянских языков и литератур университета в Глазго (Шотландия). В трех томах собрано около ста научных работ (статей, документов, публикаций) на русском, английском и немецком языках, подготовленных исследователями из сорока стран мира.

Составителем и непосредственно редактором является ученый-славист из Великобритании Питер Генри, известный своими трудами, посвященными творческому наследию В. М. Гаршина [2]. В состав редакции также вошли известный гаршиновед В. И. Порудоминский (ныне проживающий в Кельне) и М. М. Гиршман, профессор Донецкого государственного университета.

Надо сказать, замысел собрать воедино статьи гаршиноведов возник у П. Генри давно. Планировалось издать литературоведческий трехтомный альманах, посвященный В. М. Гаршину, еще в 1996 г., приурочив его к столетию выхода первых произведений писателя в Англии [3, с.5].

В предисловии к первому тому В. И. Порудоминский пишет о повышенном интересе, особенно в последнее время, к личности Гаршина и объясняет это “живым, непритупляемым сочувствием и состраданием; глубокой внутренней близостью автора своим героям”: “подобной, пожалуй, больше и не найти в русской литературе” [т. I, с.2].

“<...> Это не первый сборник работ о жизни и творчестве

Гаршина, - отмечает В. И. Порудоминский, - но от предыдущего, выпущенного в свет издательством “Никитские субботники” (1931) под рубрикой “Классики в марксистском освещении”, его отделяют не просто годы и десятилетия, но <...> совершенно иные ориентиры, иные точки приложения сил, иные методы изучения, иное толкование...” [т. I, с.3]. Таким образом, делается акцент на современные подходы к изучению Гаршина, на что повлияли, в первую очередь, время, переживаемое нами, а также поиск новых путей в современном литературоведении.

В сборнике подняты такие проблемы, как: соотнесение творчества Гаршина с различными литературными направлениями; анализ его поэтики; связи Гаршина с предшественниками-литераторами, писателями-современниками и преемниками; проблемы перевода сочинений писателя и др. Помимо этого, здесь публикуются новые архивные документы, библиографические обзоры, рецензии, редкие фотографии (многие из которых публикуются впервые), а также репродукции работ И. Репина, К. Савицкого, В. Матэ, Я. Турлыгина, И. Лоскутова и других русских художников по произведениям Гаршина. Основательная фактографическая база открывает новые перспективы изучения творчества выдающегося писателя.

Издатели распределили статьи не в соответствии с хронологией творчества писателя, а по тематическому принципу. Так, если в первом томе содержатся в основном биографические материалы, изучаются наиболее общие проблемы творчества Гаршина, поэтика его произведений, то два последние тома включают в себя преимущественно, тезисы докладов, сообщений об образных и жанровых особенностях прозы писателя. Кроме того, затрагиваются вопросы о личных знакомствах Гаршина с современниками, о его отношении к искусству, науке, педагогике и т.п.

Значительное место в сборнике отведено материалам, существенно дополняющим биографические сведения о писателе. Это две статьи Александра Владимировича Гаршина (Санкт-Петербург) - двоюродного внука писателя - “Поколенная роспись родов Гаршиных и Акимовых” и “К истории имения Акимовых “Приятная Долина”; статья Ю. М. Здорика (Москва) “Учитель в семье Гаршиных”, а также публикация В. П. Замкового (Артемовск) “Потомки Гаршиных”, являющаяся приложением к “Поколенной росписи...” А. В. Гаршина. Любопытно, что Всеволод Михайлович, согласно “Поколенной росписи...” принадлежит к девятому поколению старинного дворянского рода Гаршиных. Выясняется, что кроме трех братьев: Георгия (1849 - 1885), Виктора (1849 - 1873) и Евгения (1860 - 1931), у Всеволода Гаршина были сестры - Вера (1851 - 1853), Мария (1857 - 1859), а также брат Алексей (1853 - 1854), умершие в детстве. Автором уточняется дата смерти старшего брата писателя Георгия Михайловича - 1895 год (в комментариях к “Письмам” В. М. Гаршина [4, с.558] она не названа. Найденные А. В. Гаршиным документы рассказывают о родословной со стороны матери Е. С. Гаршиной (урожденной Акимовой, 1828-1897), о судьбе имения, в котором она проживала. Располагалось имение в деревне “Приятная Долина” Бахмутского уезда, называющейся в разное время по-разному: Акимовкой, Купленкой, Купянкой, Варваровкой [т. I, с.25]. Всеволоду Гаршину довелось побывать в нем в младенчестве, в 1857 г. Дом построен приблизительно в 1850 г., после революции 1905 г. в нем размещалась школа механизации, позже - правление совхоза Артемовского Дома предварительных работ. Во время Великой Отечественной войны все постройки полностью сгорели, “сохранились только ледник да металлические солнечные часы, показывающие время и в наши дни” [3, с.20]. В 1923 г. деревня

¹ В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

“Приятная Долина” была включена в состав села “Переездное” Артемовского района Луганской области [т. I, с.32], где сейчас находится мемориальный музей В. М. Гаршина [т. I, с.65].

Как приложение к “Поколенной росписи...”, составленной А. В. Гаршиным, опубликована статья В. П. Замкового “Потомки Гаршиных и Акимовых”, наиболее интересным моментом которой стало сообщение о племяннике писателя Владимире Георгиевиче Гаршине (1887-1926), профессоре медицины.

Большой интерес для гаршиноведения представляет статья Ю. М. Здорика о нелегкой, скорее, фатальной судьбе Петра Васильевича Завадского, домашнего учителя детей в семье Гаршиных, чье влияние на писателя трудно переоценить. Надо сказать, в творчестве В. М. Гаршина нигде не отражена личность бывшего наставника, лишь в автобиографии (1884 г.) находим строки: “<...> Я в это время (в 1858 г.) выучился читать; выучил меня по старой книжке “Современника” <...> наш домашний учитель П. В. Завадский, впоследствии сосланный за беспорядки в Харьковском университете в Петрозаводск и теперь уже давно умерший” [4, с.12]. Между тем, из статьи Ю. П. Здорика узнаем, что в действительности “Завадский пережил Гаршина на 8 лет и скончался в возрасте 62 лет” [т. I, с.50].

Интересен факт отношения П. В. Завадского к революционному кружку “Харьковские заговорщики”, пропагандировавшему в 1860-е годы идею хождения в народ [5, с.232-238]. Не удивительно, что молодым шестидесятником увлеклась мать писателя и в январе 1860 г. тайно уехала с Всеволодом к Завадскому в Харьков. Е. С. Гаршина как гражданская жена П. В. Завадского “с 1863 года состояла под секретным надзором полиции. В 1866 году “политически неблагонадежная” Гаршина подвергалась обыску в связи с делом Д. В. Каракозова” [6, с.225]. В конце января Завадского арестовали и сослали в Каргополь Олонецкой губернии. Е. С. Гаршина и П. В. Завадский переписывались до 1867 г.

За последние десятилетия в научной периодике и литературоведческих трудах опубликовано значительное количество рукописных материалов Гаршина, хранящихся в архивах. Рукописное наследие писателя продолжает изучаться и все интенсивнее вводится в научный обиход. За минувшие годы объем известного нам эпистолярного наследия писателя значительно вырос. Биографическую ценность представляют публикуемые в сборнике записная книжка Гаршина (статья А. Ханило, П. Генри “Записная книжка В. М. Гаршина 1886 года”) и корреспонденция писателя - три ранее неизвестных его письма (публикация П. В. Бекедина “Два неизвестных письма В. М. Гаршина 1878, 1886 гг.”, “Неизвестное письмо В. М. Гаршина 1880 г.”). Эти материалы позволяют осмыслить и уточнить некоторые обстоятельства жизни писателя.

Важным эпизодом биографии Гаршина является знакомство в 1884 г. с П. И. Чайковским (публикация редакции “Встреча В. М. Гаршина с П. И. Чайковским”) [т. II, с.113-116].

Гаршин хорошо знал и любил русскую и европейскую музыку. Еще в юности он, при всяком удобном случае, посещал театры, концерты, о чем свидетельствуют его отзывы в письмах к матери. Вероятно, на спектакле “Евгений Онегин”, проходившем 19 октября 1884 г. в Петербурге, Гаршин тоже присутствовал. Опера произвела на него такое сильное впечатление, что Гаршин решил встретиться с великим композитором. Писатель нанес визит Чайковскому и подарил книгу “Вс. Гаршин. Рассказы” (Спб., 1882) с надписью: “Петру Ильичу Чайковскому. Автор”. Чайковский сделал ответный подарок - фотографию со своим изображением с надписью: “В. М. Гаршину от будущего почитателя”. Ниже композитор нарисовал нотную строку и привел слова из арии Татьяны к Онегину: “Я к Вам пишу; чего ж Вам боле?... П. И. Чайковский” [7].

Значительный объем сборника посвящен изучению поэтики Гаршина, в частности, статья Т. П. Маевской “Романтические элементы в прозе В. М. Гаршина” [т. I, с.92-98]. Исследовательница находит своеобразное преломление романтических элементов в творчестве писателя, особенно в “ярких по романтическому колориту” произведениях - “Attalea grincers” и “Красный цветок” [т. I, с.93]. Перечисляя темы, благодаря которым Гаршин изобразил различные сферы общественной жизни своей эпохи и многогранные человеческие отношения, Т. П. Маевская приходит к выводу, что писатель не обходится без аллегории, иносказательности, фантастики, лирических пейзажей, фольклорной образности. Все эти свойства связаны с “поиском идеала, активных жизненных начал” [т. I, с.93] “Основной герой Гаршина, - пишет исследовательница, - человек страдающий мировой скорбью, и в то же время он личность активная, борющаяся с социальным злом, ищущая истину, - герой-подвижник, одинокий и трагичный” [т. I, с.98].

Исследователь из Сиэтла К. П. Крамер в работе “Импрессионистические тенденции в творчестве В. М. Гаршина” (Karl P. Kramer. Garshin and impressionism), анализируя рассказы “4 дня”, “Надежда Николаевна”, “Ночь”, наблюдает переход Гаршина от реализма к импрессионистическому изображению человеческого опыта. Более того, К. П. Крамер доказывает, что Гаршин “явно предвосхищает мировоззрение импрессионистов” [т. I, с.212].

Традиционная в гаршиноведении тема гаршинской символики продолжена в статье В. Силантьевой (Одесса) “Метафора, символ и миф о Прометее в поэтике рассказа Гаршина “Красный цветок” ” [т. I, с.146-156]. Предполагая вариативность восприятия образа красного цветка (аллегория, метафора, символ), исследовательница приходит к выводу о его метафорической основе и, отсюда, смотрит на творчество Гаршина как на явление предмодернистское. Делая акцент на метафорической основе образа, В. Силантьева считает, что “красный цветок дает основание размышлять о нереалистической природе символа в нем” [т. I, с.156].

Изучая символику в гаршинском творчестве, ученые пытаются уловить отзвуки обращения Гаршина к работам по мифологии. Теперь в качестве источников символических построений рассматриваются и начала митраизма. В частности, Х. Вебер (Айова-Сити) в статье “Митра и Святой Георгий. Источники “Красного

цветка” (Harry Weber. *Mitra and Saint George. Sources of the Red Flower*) [т. II, с. 157-170] считает ошибкой относить рассказ “Красный цветок” к разряду автобиографических. По мнению исследователя, Гаршин стремился перенести в искусство теорию мифа. Герой боролся против всеобщего зла, а это являлось целью двух мифических героев - Св. Георгия и Митры. Отсюда выделяется 2 группы символов в воображении больного: одна связана с культом Св. Георгия, а вторая - с ритуалами и культом индо-иранского бога Митры [т. I, с. 170]. Как продолжение темы можно рассматривать и статью болгарской исследовательницы Р. Спасовой (София) “Эстетическое значение слова в тексте сказки-аллегии В. М. Гаршина “*Attalea grincers*”. Произведение исследуется как образно-речевое целое в пере плетении образно-семантических отношений и ассоциативных связей слов, актуализирующих глубинную структуру текста. В сказке слово “живет” в межконтекстных зависимостях, и поэтому каждое его новое употребление несет след прежних семантических связей и смыслов, что обнаруживает и новый виток в движении образной темы. При этом создается не только эстетический эффект контекста, но и возникает образный центр всего текста, подробно рассматриваются символические образы свободы, одиночества, зимней бури, жизни и смерти - перечисленные символические образы “являются категориальными началами художественного мышления”.

В статье ученого из Гейдельберга Х.-Ю. Геригка “Рассказы Деблина “Убийство лютика” и “Красный цветок” Гаршина” [т. II, с. 184-190] сопоставляются рассказы обоих писателей. Исследователем не установлено, был ли знаком Деблин с гаршинским рассказом, однако глубинное сходство их произведений очевидно. В обоих рассказах Х.-Ю. Геригк видит иконологию безумия, относя при этом символику борьбы человека с растением к предвестию образности сюрреализма.

Есть смысл выделить статью С. Кайдаш-Лакшиной (Москва) “Образ падшей женщины” в творчестве Гаршина”. На примере рассказов “Происшествие” (1878) и “Надежда Николаевна” (1885), представляющих собой, по мнению автора, “маленький роман, предтечу “Воскресения” (1899) Л. Н. Толстого” [т. I, с. 114], автор связывает проблему проституции с нравственными обычаями дворянства середины – конца XIX века и приводит ряд новых мемуарных и литературных свидетельств, расширяющих видение темы.

Несомненную ценность представляют материалы, проливающие свет на литературную личность Гаршина. В этом смысле разработки о взаимоотношениях Гаршина с писателями-современниками дают возможность увидеть психологическую подоснову ряда его произведений.

В. И. Порудоминский (статья “Толстой и Гаршин. Неизбежность “Арзамасского ужаса”) [т. II, с. 3-19] путем сопоставительного анализа нравственных и творческих поисков Л. Н. Толстого и В. М. Гаршина обнаруживает многие совпадения как в жизненном поведении, так и в творчестве обоих писателей. По мнению исследователя, достаточно сравнить начальные строки рассказа “4 дня” с эпизодом ранения князя Андрея под Аустерлицем, а также размышления гаршинского героя Кузьмы (“Трус”) с финальными главами “Анны Карениной”, чтобы увидеть “знаменательное совпадение” в размышлениях героев.

Воздействие толстовского романа на военную прозу Гаршина (как и вообще на русскую военную прозу) несомненно. Но важнее другое – обращение Толстого и Гаршина к “вечным” идеям, выраженным в системе архетипических образов. Исследователь знакомит читателей с историей создания рассказа “Записки сумасшедшего”, посвященного чувствам, пережитым Л. Н. Толстым в гостинице Арзамаса в 1869 г. По словам Льва Николаевича, там он провел несколько мучительнейших, переломных часов жизни, что впоследствии получило название “арзамасский ужас”.

“Арзамасский ужас”, настигая человека, - комментирует В. И. Порудоминский, – открывает перед ним иную, чем прежде, систему мышления, иную систему оценок мира в себе и мира вокруг” [т. II, с. 5]. Иными словами, “арзамасский ужас” – это прозрение, острое осознание немыслимости старого, рубеж выбора нового пути. Однако уход от общепринятого часто оборачивается для человека подозрением в его сумасшествии. В рассказах Гаршина неизменно присутствует противоположная оценка “рубежного” состояния героев. Осознание его героями “происшествий”, выпадающих на их долю, делает еще недоступнее рубеж между ними и теми, кто их окружает, а их “сумасшествие” становится еще очевиднее для окружающих. Автор статьи, придерживаясь мнения Л. Н. Толстого, утверждает, что идеал тогда идеал, когда осуществление его возможно только в идее, поэтому возможность приближения к нему бесконечна. “Но прекратить движение – значит остаться во власти “арзамасского ужаса”, - заключается в статье.

Имя поэта С. Я. Надсона также стойко удерживается в памяти рядом с именем Гаршина. В чем творческое родство Надсона и Гаршина? Ответ на этот вопрос находим в статье ученого из Глазго Н. С. Парсонса “Дружба В. Гаршина и С. Надсона как пример духовного родства” (Neil S. Parsons. *Semen Nadson and Vsevolod Garshin. A Case of Elective Affinity?*) [т. II, с. 30-39]. По его мнению, на творчество обоих художников наложила отпечаток эпоха 80-х годов XIX века, характеризующаяся господством реакции и падением народничества. Как известно, ни Надсон, ни Гаршин не причисляли себя ни к какому революционному лагерю, однако каждому были свойственны желание борьбы за свободу, самопожертвование, вера и хрупкая надежда на будущее. Это позволяет считать, что душевное родство молодых писателей не исчерпывается их теплым общением, личной дружбой, общностью нравственных представлений и взглядов. Надсона и Гаршина, “идеологических близнецов” (выражение П. Генри), роднит исключительное психологическое сходство.

Проблеме качества переводов гаршинских текстов посвящено несколько статей сборника, в частности, статья П. Генри “Всеволод Гаршин в англоязычном мире (1888-1920)” (P. Henry. *Garshin in English (1888-1920)*) анализирует первые английские и американские переводы сочинений писателя. Исследователь

вводит в гаршиноведение новые имена и факты. К примеру, в 1888 г. (год смерти писателя) был сделан первый перевод рассказа “4 дня”, который опубликовал журнал британского офицерства “United Service Magazine”, а спустя два года в журнале “Time” увидел свет перевод “Красного цветка”. Кстати, там же печатался первый вариант статьи о Гаршине С. М. Степняка-Кравчинского, известного революционера. Именно эта и последующие статьи породили интерес англичан к писателю. Отметим, что первое знакомство англоязычных читателей с личностью Гаршина принадлежит датскому критику, историку литературы и публицисту Г. Брандесу.

По мнению П. Генри, наиболее точными и верными переводами произведений Гаршина можно считать переводы Э. Л. Войнич, опубликованные в 1893 г. в сборнике “Stories from Garshin”. Не случайно трехтомное издание “В. М. Гаршин на рубеже веков” посвящено памяти автора “Овода”.

Тема, затронутая П. Генри, развивается и существенно дополняется другими исследователями. Так, переводоведческим проблемам, возникающим у англоязычных переводчиков произведений Гаршина, посвящены две статьи – Э. Моргана “Три перевода гаршинского рассказа “Красный цветок” (E. Morgan. Tree translation’s of Garshin’s story “The Red flower” [т. II, с.225-230] и М. Дьюхерста “Три англоязычных “Красных цветка” (M. Dewhurst. Three “Red flowers” in English) [т. II, с.230-236]. Надо сказать, статьи во многом похожи, их объединяют показанные авторами трудности, возникающие у переводчиков лишь из-за многочисленных различий лексического, грамматического и синтаксического строя русского и английского языков. А в целом Гаршин понятен европейской публике и, быть может, активно принят ею.

Если англоязычные читатели смогли познакомиться с творчеством В. М. Гаршина только после его смерти, то в Чехии, как ни в одной из других стран, произведения писателя были известны и приобрели широкую популярность еще при его жизни. Это достаточно аргументированно доказывает исследователь В. Кострица в статье “Всеволод Гаршин в чешской культурной среде” (V. Kostrica. The reseption of Vsevolod Garshin in Chechoslovakia) [т. II, с.158-167].

Автор считает отличительной чертой восприятия творчества Гаршина тот факт, что Гаршин стал довольно быстро известен и популярен в Чехии (по сравнению с Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым). Кроме того, еще при жизни писателя были переведены все его произведения и положительно приняты чешской литературной критикой.

Тема “Гаршин - Тургенев” неоднократно изучалась в гаршиноведении. Многие отечественные исследователи упоминали о переписке писателей, говорили о преемственности Гаршина, о том, что для него Тургенев являлся учителем. Поэтому данную тему можно назвать хрестоматийной. Для нас представляет интерес то, как ее рассматривают зарубежные исследователи, в частности, британский ученый П. Уолдингтон. В статье “Тургенев, Гаршин, Мопассан. Несколько фактов, комментариев и разъяснений” (P. Waddington. Turgenyev, Garshin, Maupassant. Some fact’s, comments and elucidations) [т. II, с.167-184] исследователь по-новому осмысляет материалы о заочной дружбе И. С. Тургенева и В. М. Гаршина, что позволяет уточнить роль Тургенева в истории переводов и распространении сочинений Гаршина во Франции.

Тургенев всячески способствовал переводу гаршинских рассказов на французский язык. Известно, что они переводились Э. Дураном, которому, по предположению автора статьи, Тургенев мог оказывать помощь при переводе. Переводы рассказов Всеволода Гаршина продолжил Э. Гальперин-Каминский, частично вошедших в его сборник переводов под названием “Война” (1889).

Особый интерес для гаршиноведения представляет финальная часть статьи, которая завершается письмом брата писателя Евгения Михайловича Гаршина к Э. Гальперину-Каминскому от 11/23 апреля 1888 г. В нем описываются последние годы жизни В. М. Гаршина, причем со спорными высказываниями Евгения Гаршина о некоторых событиях в личной и творческой судьбе писателя.

Со времени смерти В. М. Гаршина прошло более 114 лет, однако интерес к личности писателя, гипотезы, размышления и новые находки – действенный фактор изучения творчества писателя в наши дни. Выход анализируемого сборника еще раз подтверждает, что история гаршиноведения продолжает развиваться.

Литература

1. В. М. Гаршин на рубеже веков. Международный сборник в трех томах (Vsevolod Garshin at the turn of the century. An international symposium in three volumes). – Oxford, 2000.
2. Henry P. A Hamlet of his Time. Vsevolod Garshin: The Man, his Works and his Milieu. – Oxford, 1983.
3. Гаршин А. В., Замковой В. П., Терещенко В. Т. Новое слово о Всеволоде Гаршине. – Артемовск, 1996.
4. Гаршин В. М. Полн. собр. соч. и писем. – В 3 т. – Т. 3. – Письма. – М.-Л., 1934.
5. См.: Козьмин Б. Пародии на царские манифесты 1856 и 1857 гг. // Красный архив. - Т. 31. – 1928.
6. Соколов В. П. Гаршины // Современники о В. М. Гаршине. – Саратов, 1977.
7. Оригинал этой фотографии находится в фондах музея Пушкинского Дома в “Альбоме фотографий 17 российских писателей”. - (Ф.1944, д. 47/6).